

18+

Валерий Казаков

МЕСТО ПОД ФИКУСОМ

повесть

Валерий Казаков

Место под фикусом. Повесть

«Издательские решения»

Казаков В.

Место под фикусом. Повесть / В. Казаков — «Издательские решения»,

В новую книгу Валерия Казакова «Место под фикусом» вошла небольшая повесть о молодом человеке, который не может найти своё место ни в жизни, ни в любви. В какой-то момент эта его любовь становится настолько мучительной, что её трудно отличить от болезни, от реального психического расстройства.

© Казаков В.

© Издательские решения

Содержание

Фикус	6
Ночные звуки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Место под фикусом

Повесть

Валерий Казаков

© Валерий Казаков, 2026

ISBN 978-5-0070-4098-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фикус

Записка №1

Однажды в детском саду я закатил жуткую истерику. Мне показалось, что петух, нарисованный на стене масляной краской, стал настоящей грозной птицей. В какой-то момент он отделился от стены и, размахивая огромными крыльями, полетел ко мне. Это произошло во время тихого часа. От жуткого зрелища я громко закричал, я всех разбудил и не на шутку напугался сам.

После этого случая мои родители решили, что меня надо лечить. Они были уверены, что это болезнь, это первые признаки какого-то психического расстройства. И если ничего не делать, болезнь будет прогрессировать. Я (чего доброго) стану настоящим психопатом, как тетя Аня, папина сестра, тем более что я на неё чем-то похож.

Тетя Аня часто лечилась в районной психбольнице. У неё были большие темные глаза, черные цыганские волосы и худые длинные руки с выступающими наружу синеватыми венами. Тетю Аню лечили препаратами с бромом. Мои родители тут же решили, что биографию мне портить не нужно, показывать врачам необязательно, а бром для профилактики мне необходимо пропить.

Микстуру с бромом мне подавали по утрам после завтрака большой столовой ложкой. Эта микстура хранилась в шкафу, в маленькой темной бутылочке из-под валерьяны. Микстура была совершенно прозрачной и очень горькой, я морщился, но пил эту гадкую жидкость. Мама говорила, что так надо, чтобы не болеть как тетя Аня и ничего не бояться: ни птиц, ни зверей, ни собак.

Мама, скорее всего, знала, о какой собаке идет речь. Эта собака почему-то всегда жила у нас во дворе. Она была огромная, напоминающая одновременно немецкую овчарку и волка. Эта собака питалась свежим мясом, как настоящий дикий зверь, и как настоящий зверь рычала. Я до сих пор помню её рык и пожелтевшие кости телят и овец, которых отец привозил для неё с колхозной фермы. Это были погибшие от разных болезней животные. Ему, старому ветеринару, этих животных передавали для утилизации, а он на облучке тарантаса привозил их домой и скармливал доморощенному зверю. Помню шкуры, кости и рога этих несчастных животных, возле которых разгуливала наша необычная собака, пес по имени «Моряк». Этой домашней псины остерегалась темноглазая тетя Аня, мои брат и сестра, а также многочисленные соседи, близкие родственники и юные друзья. Наша собака вызывала священный трепет одним своим видом, мастью своей, звериным рыком, оглушительным и угрожающим лаем в любое время суток.

Так вот, микстура с бромом вскоре подействовала. Я перестал бояться собак и птиц. Я заметно прибавил в весе, сделался спокойнее, но при этом голова у меня стала какой-то другой — слегка затуманенной и ленивой, где уже не роились разные мысли, как раньше, а медленно проявлялись и таяли некие бесцветные образы. Мне сложно стало запоминать простые вещи, сложно сосредоточиться и совершенно невозможно принять какое-то ответственное решение. Яркие эмоции на какое-то время покинули меня. Со мной осталось только сонное равнодушие и рассеянность.

Когда я подходил к зеркалу, я стал видеть там полноватого черноволосого мальчика с большими карими глазами и бледным лицом. У него был выпуклый, матово блестящий лоб, откинутые назад плечи и слегка выпуклый живот. Темные густые волосы мальчика слегка вились, длинные ресницы придавали его облику нечто женское. Это был я и одновременно кто-то другой. Потому что в душе я представлял себя иначе — взрослее и мужественнее.

Когда мне исполнилось тринадцать лет, я часто стал ввязываться в какие-то уличные драки, чтобы взбодриться, чтобы привести себя в чувство. Я бил своих сверстников и тех, кто немного старше. И при этом у меня не было ни страха, ни жалости, ни сочувствия к моим соперникам, но порой откуда-то стало появляться странное стеснение перед девочками и взрослыми женщинами, похожее на столбняк. То есть ни с того ни сего странная скованность вдруг настигала меня в самый неподходящий момент. От стеснения бром почему-то не помогал. Я стеснялся девочек, учителей, стеснялся громко говорить, петь и рассказывать анекдоты. Мне становилось неловко, когда кто-то на меня пристально и долго смотрел. Хотелось подойти к нему и сказать: «Ну, чего уставился? Чего тебе надо?» Так говорили все мои друзья.

В школе мне стало сложно запоминать стихи и правила, законы физики и важные исторические даты. Туман в голове рождал странную туманность всего того, что меня окружало. Было такое чувство, что из цветного и цветущего мир иногда становится черно-белым. Учиться чему бы то ни было мне стало скучно. Зато я привык очень долго спать, а потом безмолвно созерцать природу за окном или слушать тихую музыку.

Утром, пока мне не подавали очередную порцию брома, я был счастлив оттого, что на улице светит солнце, что там поют птицы и шелестят листвой липы. Но я знал, что всё это временно, что после ложки лекарственной горечи всё цветное исчезнет, в голове станет пусто, и потому бодрящий миг утренней ясности был для меня особенно ценен.

В детстве у меня не было отдельной кровати. Я всегда делил кровать со своим старшим братом. Он во сне часто толкал меня острыми локтями, складывал мне на живот свои худые, но тяжелые ноги, сопел и дышал мне в ухо. И только однажды, когда я оказался в гостях у тети Поли, мне предложили раскладушку под фикусом.

Впервые в жизни я спал один на кровати под настоящим деревом с большими зелёными листьями. А утром меня не напоили бромом, и поэтому восхитительное утро длилось до вечера. Это было похоже на счастливый сон. Я до сих пор помню новые, зеркально блестящие от лака полы в доме тети Поли, желтоватые бревенчатые стены, большие широкие окна, высокий потолок и запах лесной летней свежести, плывающей в комнату через открытую форточку.

Я на всю жизнь запомнил пенье птиц, цветущие, слегка покачивающиеся от ветра метелки иван-чая за окном и неподвижные листья фикуса над моей головой. На этих листьях не было видно прожилок, как на листьях американского клена. Они были большие, толстые и продолговатые, с ровными краями, гладкие и темно-зелёные. Эти листья ничем не пахли, но ощущение было такое, будто под ними ты лежишь как в пологе. Их хотелось потрогать, стереть с них пыль, прижать к горячей щеке. Они оберегали от чужих неуютных взглядов. Эти листья были как напоминание о далеких южных странах, где фикусы растут как обычные деревья.

Жаль только, что этот прекрасный новый дом тети Поли вскоре сгорел во время грозы вместе с дорогим для меня фикусом, и сейчас он может жить только в моих воспоминаниях. Там, в далеком желто-зеленом мареве, на солнцепеке детства.

А ещё из того времени у тети Поли я почему-то запомнил черную морскую фуражку с блестящим козырьком и офицерский кортик. Это воспоминание тоже как будто было оттуда: из дома с фикусом, где были зеркальные полы, а в окна заглядывал цветущий иван-чай. Я всё помню, я всё это представляю, только порой не знаю, как это все связать. Фикус, кортик и лето. Муж тети Поли был учителем, сын работал где-то инженером. Откуда фуражка моряка и кортик? Что это значит? Хотя, может быть, яркие воспоминания не привыкли жить отдельно, они группируются на определённом месте, в одном временном промежутке.

После этого путешествия к тете Поле, проходя мимо какого-нибудь дома, в котором возле окна был виден фикус прямо с улицы, я всегда начинал завидовать тем людям, которые в этом доме живут. Они имели возможность спать под деревом. Они вытирали пыль с его больших и гладких листьев. Они могли наблюдать, как он растёт. Я не знаю, цветут ли фикусы, но мне

кажется, что цветение фикуса — это настоящий праздник, с которым ничего не может сравниться.

В нашем доме фикуса не было. Его просто некуда было поставить, и потолок в нашем доме был низкий. Скорее всего, фикусу в нашем доме было бы тесно. От близости потолка он, скорее всего, почувствовал бы себя неуютно, не на своем месте. Он захотел бы подвинуться к окну, к свету, а на окне у нас всегда были герани или помидоры для рассады. На окнах у нас тоже не было пустого места. То есть свет в нашем доме был в дефиците. Его нужно было рационально использовать.

Все мои друзья в то далекое время почему-то мечтали о велосипедах, лыжах и коньках, а я мечтал о фикусе. Пусть он будет совсем маленьким, пусть на нем будет всего несколько крупных темно-зелёных листьев, только бы был, только бы стоял где-нибудь недалеко от окна и радовал меня своим экзотическим видом.

Чуть позднее из финиковой косточки я попытался вырастить настоящую пальму, но она, появившись из земли в глиняном горшке, тянулась вверх так медленно, что в какой-то момент я перестал обращать на неё внимание, а потом и сама пальма куда-то исчезла. Должно быть, мама вынесла её на улицу, а осенью забыла принести обратно.

Помню, когда однажды я рассказал о своей мечте старшему брату, с которым спал на одной кровати, он рассмеялся и сказал:

— Фигу тебе, а не фикус.

— Почему? — обиженно удивился я. — У людей же есть.

— Фикусу твоему место надо, а у нас лишнюю кровать поставить негде. И стол один на всех.

— Мы бедные? — снова спросил я.

— Мы, как все, — ответил брат.

Люди мечтают о месте под солнцем, а я всё детство мечтал о месте под фикусом. О том месте, где, кроме зеленых листьев, у тебя над головой больше ничего нет. И не важно, что сквозь эти зелёные узоры ты видишь: чистое синее небо или обыкновенный белый потолок. Важно, что в этот момент ты можешь почувствовать себя счастливым.

Бром я больше не пью, но иногда мне кажется, что у меня не было настоящего детства. Потому что, когда я вспоминаю детство, в моей голове появляется какое-то желто-зеленое марево, туман, странная тишина, и в этой тишине громко тикают настенные часы с большим маятником. А больше там нет ничего. Мне хочется выйти из этой ни о чем не говорящей тишины, но все мои попытки тщетны. Тишина — это спокойствие, спокойствие — это сон, которому не мешает мерное тиканье часов. Из-за этого порой мне кажется, что детство мне приснилось. И фикус тоже приснился, и огромная собака, и тетя Аня с цыганскими глазами, которая иногда подходила ко мне, гладила по голове теплой рукой и говорила: «Вот подожди, вырастешь и хлебнешь лиха».

После школы я пробовал поступить в художественное училище имени Серова, которое находилось в Ленинграде. Я приехал туда сдавать экзамены, но уже в вестибюле этого училища меня встретил какой-то странный человек в сером костюме. Он спросил о цели моего визита и, не взглянув на мои домашние работы, не проверив мои документы, сказал, что я в это престижное училище поступить не смогу. Не пройду по конкурсу и время зря потеряю. Я стал рассказывать ему, что много лет упорно занимался живописью в художественной школе небольшого городка Красноярска, что я закончил эту художественную школу с отличием, что по таким предметам, как композиция и техника живописи, у меня всегда были очень хорошие оценки.

— Я понял, что вы меня не слышите, — повторил человек в сером костюме. — Но не в этом дело... Дело в том, что у нас тут своих поступающих выше головы. От десяти до двадцати

человек на место каждый год. И ни одного иногороднего, уверяю вас... Не тратьте зря время. Ещё раз вам говорю.

— Но я буду поступать, — упрямо повторил я. — Где тут у вас приемная комиссия?

— На втором этаже. Комната номер два, — холодно ответил он.

Но учиться я не поступил. Я приехал в Ленинград сдавать экзамены и на первое время поселился у двоюродной сестры, которая недавно развелась с мужем. Она была на пять лет старше меня, глаза её лукаво блестели, она хорошо разбиралась в живописи, умела увлечь меня рассказами о трагических судьбах известных русских художников — от Васильева до Врубеля. Я много времени проводил с ней и не заметил, когда влюбился в неё. Мне показалось, что это произошло как бы само собой, помимо моей воли. В памяти остался каменный город, насквозь пропечённый солнцем, сизые голуби на перегретом асфальте, запах духов и девушки, девушки, девушки. У меня от восторга и мучительной тяги к обнаженному женскому телу закружилась голова. Я не смог устоять перед соблазном. Это была моя первая настоящая влюбленность.

Потом начались вступительные экзамены. Днем я рисовал в прохладном классе художественного училища простенький натюрморт, который состоял из разноцветных кусочков материи, хрустальной вазы, стакана с водой и гипсовой статуэтки, а ночь напролет проводил с ней — лучшей на свете женщиной. От безделья, солнца и молодости во мне скопилось столько нерастроченной энергии любви, что мне казалось: Валя не выдержит такого напора страсти. Она утонет в водовороте моих чувств. Но она не утонула, она даже удержалась на грани между тем, что можно, а чего нельзя. Я нерешительно обнимал её обнаженное тело, я прижимался к нему своим животом и ногами, я чувствовал каждый его сантиметр. Она позволяла моим осторожным и неопытным рукам путешествовать по её телу в поисках самых заветных мест, целовать её там, где нельзя, задыхаться от напряжения и мучительной безвыходности, и, наверное, поэтому я проиграл.

— Валя, я не прошёл по конкурсу, — со слезой в голосе признался я, когда не нашел себя в списках студентов. — Я не буду учиться.

— Не может быть, у тебя же направление, — удивилась она.

— Но я не поступил.

И она заплакала. Хотя, наверное, плакать должен был я, но я решил повеситься и поэтому не плакал. Без живописи и без Вали я не представлял себе дальнейшую жизнь. Мне казалось, что я смогу выжить только с кистью в руке, только творя великое и вечное, только приподнимаясь слегка над бренной землей, чуть-чуть паря.

— И что нам делать? — спросила она участливо, когда перестала плакать.

— Я не знаю.

— Ты несчастливый, — вдруг проговорила она сквозь слезы. — Кому очень везет в любви — все несчастливые, я знаю. А тебе в любви везет. Тебе очень везет в любви.

— Не знаю, — разочарованно ответил я.

— У тебя очень красивые глаза. Они манящие и загадочные, — продолжила Валя. — И губы тоже красивые. Они теплые и большие. Сейчас я прикоснусь к твоим губам своими... Вот так. Вот так! А волосы. Они у тебя такие густые, такие курчавые и блестят на сгибах. Тебе никто не говорил, что ты похож на породистого еврея?

— Нет.

Её ласковая рука отправилась в путешествие по моей темной шевелюре.

— Я не поступил на учебу, Валя.

— Ты несчастливый. Тебе не везет.

— Наверное.

— Ты несчастливый, даже если я тебя люблю? — каким-то другим голосом спросила она, прижимая свою щеку к моей горячей щеке.

— Да, — ответил я.

— Тогда ты действительно несчастный, — вдруг проговорила она, резко встала со скамьи в маленьком сквере возле ее дома и пошла прочь от меня по аллее из каштанов. И мне показалось, что она уходит навсегда. Я должен был её догнать, остановить, сказать, что не всё еще потеряно, что я всё так же её люблю. Но я почему-то не поднялся и не догнал. Я подумал о том, что если сейчас умру, то никто обо мне не пожалеет. Будут шуметь машины, проезжающие мимо сквера, будут слышны случайные выкрики прохожих, звуки шагов, но ничего в этом мире не изменится. Всё будет так же, как всегда. И смерть показалась мне бессмысленной, но такой же бессмысленной показалась и жизнь. Я подумал о том, что в большом городе, вероятно, трудно стареть, а умирать вообще страшно и неестественно, ведь город вечно молод, он для молодых и красивых, он для достижения поставленной цели.

А как трудно было мне покидать город первой любви, когда скорый поезд, медленно набирая ход, выехал за городскую черту, когда мне стало больно видеть за окном еще вчера родные покосившиеся заборы, убогие серые домишки, одиноких прохожих в литых сапогах и пятнистых рабочих костюмах. Этот скорый поезд вез меня к родному дому в Красноярске, тело мое было неподвижно, а душа моя была там — в большом городе, среди асфальта, бетона, мрамора и редких одиноких лип в маленьких скверах между громоздкими домами.

Первый вечер в родительском доме стал для меня испытанием. Всем почему-то хотелось узнать, почему я не поступил учиться, что со мной случилось? Почему никого не заинтересовал мой талант? А мне не хотелось ничего объяснять. Дальнейшая жизнь представлялась мне пустой и бессмысленной, и продлевать это мучение до бесконечности я не собирался.

Поздно вечером я перекинул один конец капроновой веревки через еловую перекладину в деревянном сарае, а на другом конце сделал аккуратную петлю. Осталось встать на табуретку, отрешиться от всего бренного и пустого, приподняться слегка и качнуть табуретку, чтобы начать парить. Всё было просто, только не хотелось умирать вот так без цели. Мне нужно было знать, что после моей смерти люди перестанут унижать друг друга, что они научатся ценить талант и настоящую любовь. Тогда моя смерть будет иметь какое-то значение... Тогда...

Когда я открыл глаза, то увидел возле себя человека в белом халате. Он сидел на стуле, слегка наклонившись ко мне, и строго смотрел на меня сквозь блестящие стекла очков. На вид ему было лет сорок пять или пятьдесят. Он привычно прищурил глаза и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — ответил я.

— Приступов у вас больше не случилось?

— Каких приступов? — переспросил я.

— Депрессии, панических атак, суицидальных проявлений? — уточнил он.

— Нет.

— А каких-либо галлюцинаций вы не видели?

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — ответил я.

— С вашим заболеванием это вполне возможно, — продолжил он. — У вас психопатия. Диагноз не самый сложный, давно изученный, но это быстро не лечится, уверяю вас. Обычно обострения у таких пациентов, как вы, случаются весной или осенью. В эти периоды у них возможна депрессия, а потом — наоборот — необыкновенный подъем настроения, прилив сил, эйфория. Вы не замечали такого за собой?

— Нет. Кажется, не замечал.

— Во всяком случае, за вами нужно наблюдать. Любые перепады настроения, если они ничем не спровоцированы, должны вас насторожить... Вы понимаете меня?

— Да.

— В таком случае вам нужно вести дневник. Записывайте в него всё о своем самочувствии. Мне кажется, вы творческий человек. Это несомненно. Для творческих людей некоторые отклонения психики порой даже полезны. Но суицид... Это за гранью, знаете ли. Мне надо разобраться, от чего это у вас? Когда это началось? Попробуйте это всё описать. Если ваши записи будут чем-то напоминать рассказы — это неплохо. Это даже интересно. Пишите ради бога. Только прошу вас, пусть там будет поменьше вымысла и побольше правды. Так мне будет легче понять ваше состояние. Оценить результаты лечения... Мы с вами, кажется, договорились, что я буду лечить вас амбулаторно. Никто, кроме меня, об этом знать не будет, не беспокойтесь. Я буду приходить читать ваши записи и назначать нужные препараты. Так мы с вами сможем добиться длительной ремиссии, я думаю. И в диспансер вы больше не попадете, если будете выполнять все мои указания. А мне ваши записки, ваши наблюдения пригодятся для будущей диссертации.

— Я понимаю.

— Ну вот и договорились.

— Пишите, записывайте всё, что с вами происходит. Никто другой, кроме меня, это никогда не прочитает. Не беспокойтесь. Только объясните мне, пожалуйста, для чего вы снова вернулись в Ленинград?

— Я полюбил этот город, — ответил я. — Это город моей первой любви.

— Понимаю, — с улыбкой ответил доктор.

Ночные звуки

Записка №2

Заводское общежитие, где я получил комнату, располагалось на проспекте Энтузиастов. Моя комната находилась на шестом этаже высокого серого здания и своим единственным окном выходила на юг, где виднелся зелёный уголок какого-то неухоженного и пасмурного сквера.

По соседству со мной в этом заводском общежитии жил молодой человек, которого я считал отчаянным гулякой, потому что, возвращаясь с работы поздно вечером, частенько улавливал чутким ухом непотребные звуки, доносящиеся из-за тонкой двери в его комнату. Это был не то стон, не то плач, сопровождаемый размеренным поскрипыванием железной кровати... Таинственные ночные звуки удивляли и одновременно завораживали меня. На несколько секунд я останавливался в странном, возбуждающем меня оцепенении. И чем больше прислушивался к этим звукам, тем отчетливее ощущал в своем теле какую-то мучительную истому, которая рождала странное волнение. Рождала желание посмотреть и понять, что там (за соседней дверью) происходит. Хотя и так было понятно, что это нечто интимное, то, чего в ту пору отчаянно желал испытать я сам.

Потом я нехотя отпирал свою дверь, стараясь при этом не греметь ключом, заходил в тёмную пустынную комнату, с раздражением стягивал со своих плеч тяжелую кожаную куртку, бросал на шкаф шляпу, намокшую под случайным дождем, и с томительным чувством досады на своё одиночество ложился спать. После того, что я испытал пять минут назад, одиночество казалось мне пыткой. Я тоже хотел извести себя в чувственной истоме, в страстных вдохах и выдохах. Я тоже хотел иметь возле себя настоящую зрелую женщину, у которой покатые плечи, высокая грудь и пухлые, теплые, бледно-розовые ягодицы. В тёмной, немой ночи и беспросветном одиночестве мне сейчас было нужно именно это, чтобы поскорее куда-нибудь пролилась моя душевная и телесная неудовлетворенность. Моя бесполезная мужская сила.

Помню, на следующий день я проснулся от странного грохота за стеной, от тонкого женского крика, звучащего как аккомпанемент этому загадочному грохоту. Я прислушался к звукам в соседней комнате и сразу понял, что это ночная сообщница моего молодого соседа бьёт посуду. После тарелок в ход пошли стаканы, потом что-то ещё. И, наконец, все смолкло. Разрушительный порыв женской истерики угас, истощился, а ещё немного погодя я увидел её в общей кухне, до краев залитой золотистым утренним светом. Она, как ни в чем не бывало, сидела на широком подоконнике, свесив тонкие ноги, и что-то спокойно объясняла своему улыбающемуся мучителю. Признаюсь честно, в первый момент меня поразила её молодость, её гибкая, откровенно детская худоба. На вид ей было лет семнадцать или восемнадцать. Тёмные волнистые волосы у неё свисали до плеч, большие зеленовато-серые глаза беззащитно лучились, прикрытые сверху длинными чуткими ресницами. Тонкие руки были сцеплены на худой коленке, а подол тёмно-вишнёвого платья был вольно приподнят до матового, мучительно доступного бедра. То есть в ней не было ничего от той породистой стервы, которую так упорно рисовало моё взволнованное воображение прошлой ночью. В ней не было ничего от зрелой искустельницы сердец, от хищной женщины, которая жадной львицей набрасывается на молодого мужчину. Ощущение было такое, как будто страстные стоны вчера ночью издавала вовсе не она, а кто-то другой, кто намного взрослее и опытнее, чем это невесомое создание.

Так ничего толком не поняв, я вернулся в свою комнату и стал собираться на работу. И, что самое странное, во мне сейчас уже не было ничего томительного, ничего раздражающего отсутствием любви. Во мне не было даже зависти к счастливому соседу, который готовил завтрак на кухне. Наоборот, моё одиночество сейчас меня вполне устраивало. Оно устраивало

меня хотя бы тем, что дарило мне спокойствие. Моё одиночество работало на мой имидж. Мне казалось, что в глазах людей я должен оставаться одиноким, как был одинок в нашем пошлом мире Винсент Ван Гог.

Но однажды после обеда мастер нашего цеха Борис Васильевич Кулагин подошёл ко мне с какой-то таинственной улыбкой на широком лице и сообщил, что мне стоит обратить внимание на нормировщицу Нину, которая каждый день проходит мимо меня в кабинет начальника цеха.

— Кто это? — переспросил я.

— Значит, ты ничего не заметил? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет, — чистосердечно признался я.

— А она сразу обратила на тебя внимание, как только ты у нас появился. Спрашивала, откуда ты приехал? Я бы посоветовал тебе получше к ней приглядеться. Она женщина одинокая, симпатичная и молодая.

Я удивлённо пожал плечами и не нашёл подходящих слов, чтобы что-то ему ответить. Только после этого разговора стал внимательно приглядываться к нашей нормировщице. Я видел её идущей с какими-то чертежами в ту часть цеха, где работали фрезеровщики, потом встретил её в нашей заводской столовой. Потом — на автобусной остановке, возле станции метро. И везде, где я её замечал, она производила на меня приятное впечатление. Эта женщина была небольшого роста, стройная и смуглая. Она каким-то странным образом притягивала моё внимание. В какой-то момент я решил, что должен познакомиться с ней, только как это сделать, я пока что не знал.

И вот однажды после моего похода в заводскую столовую на обед, когда я остался один в небольшом заводском сквере перед зданием заводоуправления, она подошла и села рядом со мной на тёплый деревянный диван. Была середина июня, над моей головой шумели листвою невысокие липы и берёзы, на клумбах распускались цветы. Я повернул к ней голову и уже собирался что-то сказать, когда она сама обратилась ко мне.

— Ты удивлён? — сказала она, несмело глядя мне в глаза.

— Нет, — машинально ответил я.

— Как тебя зовут? — снова спросила она каким-то тихим доверительным тоном.

— Андрей, — растерянно ответил я.

— А я Нина... Ты извини меня. Но я сегодня увидела тебя в столовой и решила познакомиться. Мне показалось, что ты очень выразительно на меня посматривал... Или я ошибаюсь?

— Женщины в таких вещах не ошибаются, — радостно пролепетал я, чувствуя, как начинают гореть мои щёки.

— Вот видишь... А ещё однажды я встретила тебя возле остановки автобуса. Ты помнишь? У тебя был очень импозантный вид. Чёрная кожаная куртка, большая серая шляпа и какие громоздкие ботинки на ногах... Я, признаться, тогда подумала, что ты артист какого-то провинциального театра, приехавшего к нам на гастроли. Что ты вышел из гримёрки на улицу и решил прогуляться.

— Это тебя удивило?

— Нет, что ты. Скорее, наоборот. Ты мне поэтому и понравился. У тебя была очень запоминающаяся внешность... Конечно, для тебя это ничего не значит, но имей в виду. Ты можешь произвести впечатление на зрелую женщину, а это уже кое-что.

Она на секунду умолкла, а потом продолжила:

— Я тебя не соблазняю, нет. Я не похитительница юных сердец, но упускать свой шанс я не привыкла... Ты, надеюсь, меня понимаешь? Мы живём в огромном городе. Мы здесь слишком редко можем встретиться дважды ни с того ни с сего. Поэтому я решила сделать первый шаг. Ты можешь сделать второй. А можешь ничего не делать. Это твоё право. Ты можешь уйти и забыть обо всём, что здесь произошло. Как хочешь, так и поступай. Я и сама пока что не знаю, что, собственно, мне от тебя нужно.

Она, кажется, хотела сказать что-то ещё, но почему-то замолчала, а я всё так же удивленно смотрел на неё и тоже молчал. В какой-то момент мне показалось, что кто-то из нас должен назначить час и день встречи.

— Я как-нибудь... зайду за тобой, — неуверенно проговорил я.

— В любое время, — ответила она с улыбкой.

Весь остаток дня после этого разговора с Ниной у меня было хорошее настроение. А вечером, ложась спать в шумной заводской общежитии, я сказал себе, что ни за что не оставлю эту женщину одну — обязательно поговорю с ней завтра же. И, возможно, этот разговор станет для меня самым значительным событием в моей новой жизни, в той жизни, которая меня уже успела покорить. Странно только, что так легко и просто всё у меня складывается. Я хотел найти здесь работу, получить приличное жильё — и вот всё это у меня уже есть. Хотел встретить настоящую женщину, которая сможет полюбить меня — и она сама нашла меня. Она дала мне шанс стать другим. В сущности, это даже больше того, на что я мог рассчитывать в первое время. Только чем заслужил я это везение, это нелепое счастье?

Возможно, скоро мы с Ниной по-настоящему полюбим друг друга и у нас случится то, чего не было между мной и Валеёй, ведь те ночные звуки, которые я слышал за дверью в соседнюю комнату несколько дней назад, до сих пор как-то мучительно и сладко преследуют меня. Они меня до сих пор тревожат. Я хочу слушать их без конца, я хочу научиться их издавать. Это возбуждает и наполняет меня какой-то таинственной и томительной музыкой любви... А может быть, у нас ничего такого не будет. Ничего не получится. Кто его знает.

Когда на следующее утро я в очередной раз открыл глаза, то снова увидел возле себя знакомого доктора в белом халате. Он сидел на стуле, слегка наклонившись ко мне и строго смотрел на меня сквозь блестящие стекла очков. Он, как обычно, прищурил глаза и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.